

Оригинальное исследование

УДК 316.6

10.18413/2313-8971-2025-11-4-0-9

Томгорова Г.Н.

Специфика представлений о семейной ролевой структуре у женщин, переживающих субъективное одиночество

Московский государственный психолого-педагогический университет
ул. Сретенка, д. 29, г. Москва, 127051, Россия
eskovagalina@list.ru

*Статья поступила 08 июля 2025; принята 17 декабря 2025;
опубликована 30 декабря 2025*

Аннотация. *Введение.* Субъективное переживание одиночества представляет собой комплексный психологический феномен, который не сводится к объективному социальному статусу человека, а в контексте женского опыта – это переживание, зачастую, связано не столько с формальным отсутствием партнера, сколько с глубоко личным ощущением изоляции, разобщенности и нереализованной потребности в эмоциональной близости. *Цель работы* заключалась в изучении особенности представлений о семейной ролевой структуре у женщин, переживающих субъективное одиночество с учётом ролевой структуры родительской и прародительской семьи. *Материалы и методы.* Исследование проводилось с применением опросников, в качестве респондентов участвовало 300 женщин, все они были разделены на 4 группы. *Методы.* С целью определения особенностей взаимосвязи между переживанием субъективного одиночества и представлениями женщин о семейной ролевой структуре был проведен корреляционный анализ с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Для подтверждения надежности использованных методик в данной конкретной выборке был рассчитан коэффициент внутренней согласованности α (альфа) Кронбаха. *Методики:* «Методика субъективного ощущения одиночества» (UCLA Loneliness Scale), авторы Д. Расселл, Л. Пепло, М. Фергюсон; опросник «Семейные роли», автор А.В. Черников; «Опросник распределения ролей в семье», авторы Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская; опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке», автор – А.Н. Волкова. *Результаты.* Высокие показатели одиночества наблюдаются у женщин, которые росли с объективно одинокими женщинами двух поколений (мамой и бабушкой) (241,47, $p < 0,001$). В группе женщин чьи матери не состоят в браке, а бабушки состоят в браке, одиночество отрицательно коррелирует с вовлеченностью в роли взаимодействия – папа (-,243, $p < 0,05$) и положительно с вовлеченностью в роли взаимодействия – бабушка (,255, $p < 0,05$). То есть женщины, которые росли в неполных семьях, не считают отца способным на выполнение семейных обязанностей и при этом испытывают выраженное чувство одиночества. В группе женщин, чьи матери и бабушки не состоят в браке, одиночество положительно коррелирует с вовлеченностью в роли взаимодействия – бабушка (,297, $p < 0,01$). Выявлена положительная корреляция одиночества с ролевыми притязаниями по родительско-воспитательской шкале (,247, $p < 0,05$) и отрицательная – с ролевыми притязаниями по шкале социальной

активности (-,332, $p < 0,01$). То есть женщины, которые воспитывались одинокими мамой и бабушкой, ориентированы на себя в воспитании детей, при этом ощущают себя одинокими. *Заключение.* Семейная структура и распределение ролей внутри нее оказывают значительное влияние на субъективное одиночество у женщины.

Ключевые слова: семья; представления о семье; структура семьи; семейные роли; женское субъективное одиночество

Информация для цитирования: Томгорова Г.Н. Специфика представлений о семейной ролевой структуре у женщин, переживающих субъективное одиночество // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2025. Т.11. №4. С. 117-131. DOI: 10.18413/2313-8971-2025-11-4-0-9.

G.N. Tomgorova

Perceptions of family role structure among women experiencing subjective loneliness

Moscow State Psychological and Pedagogical University,
29 Sretenka St., Moscow, 127051, Russia
eskovagalina@list.ru

*Received on July 08, 2025; accepted on December 17, 2025;
published on December 30, 2025*

Abstract. *Introduction.* The subjective experience of loneliness is a complex psychological phenomenon that is not limited to a person's objective social status. In the context of women's experiences, this feeling is often associated less with the formal absence of a partner and more with a deep personal sense of isolation and separation, as well as an unmet need for emotional intimacy. The aim of the work was to study the peculiarities of ideas about the family role structure in women experiencing subjective loneliness, considering the role structure of the parental and ancestral family. *Materials and methods.* The study was conducted using questionnaires. Three hundred women participated as respondents and were divided into four groups. *Methods.* A correlation analysis was carried out using Spearman's rank correlation coefficient to determine the features of the relationship between the experience of subjective loneliness and women's ideas about family role structures. To confirm the reliability of the methods used, the internal consistency coefficient α (alpha) was calculated using the Kronbach method. *Methods:* "Methodology of subjective loneliness" (UCLA Loneliness Scale) by D. Russell and L. Peplow, M. Ferguson; questionnaire "Family roles" by A.V. Chernikov; "Questionnaire on the distribution of roles in the family" by Yu.E. Alyoshina, L.Ya. Gozman and E.M. Dubovskaya; questionnaire "Role expectations and claims in marriage" by A.N. Volkova. *Results of the study and their discussion.* High rates of loneliness are observed in women who grew up with objectively single women of two generations (mother and grandmother) (241.47, $p < 0.001$). Among women whose mothers are unmarried and whose grandmothers are married, loneliness is negatively correlated with involvement in the role of interaction with a father ($r = -0.243$, $p < 0.05$) and positively correlated with involvement in the role of interaction with a grandmother ($r = 0.255$, $p < 0.05$). In other words, women who grew up in single-parent families do not consider their fathers capable of fulfilling family responsibilities, and experience a

pronounced sense of loneliness as a result. Among women whose mothers and grandmothers were not married, loneliness was positively correlated with the grandmother role ($r = 0.297$, $p < 0.01$). There was a positive correlation between loneliness and role expectations on the parent-teacher scale ($r = 0.247$, $p < 0.05$), and a negative correlation with role expectations on the social activity scale ($r = -0.332$, $p < 0.01$). In other words, women who were raised by a single mother and grandmother tend to be self-centred when it comes to raising children and often feel lonely. Conclusion: Family structure and the distribution of roles within it significantly impact a woman's subjective experience of loneliness.

Keywords: family; ideas about family; family structure; family roles; female subjective loneliness

Information for citation: Tomgorova, G.N. (2025), "Perceptions of family role structure among women experiencing subjective loneliness", *Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*, 11 (4), 117-131, DOI: 10.18413/2313-8971-2025-11-4-0-9.

Введение (Introduction).

Субъективное переживание одиночества представляет собой комплексный психологический феномен, который не сводится к объективному социальному статусу человека, а в контексте женского опыта это переживание зачастую связано не столько с формальным отсутствием партнера, сколько с глубоко личным ощущением изоляции, разобщенности и нереализованной потребности в эмоциональной близости.

Согласно современным исследованиям, формирование представлений о семейной ролевой структуре у разных поколений могут транслироваться через несколько поколений, во многом определяясь характером взаимодействия в диаде «бабушка – мать – внучка» (Артемцева, 2019: 165). При этом активное участие бабушки в воспитании внучки может служить как ресурсом поддержки, так и способствовать закреплению определенных, в том числе дезадаптивных, ролевых моделей.

В последние годы отмечается рост научного интереса к изучению как детерминант субъективного одиночества (Fife, 2020, Yang et al., 2021), так и особенностей семейной ролевой структуры (Алексеевко, Енакаева, 2018, Белова, 2022, Овчарова, Мягкова, 2022). Отдельные

работы подчеркивают связь между воспитанием в неполной расширенной семье и риском формирования ощущения одиночества у женщины, акцентируя роль объективного одиночества старших поколений (Булыгина, Комарова, 2019: 101). Однако, несмотря на множество отечественных и зарубежных работ, исследующих взгляды на семейные роли и факторы субъективного одиночества, взаимосвязь объективного одиночества матери и бабушки с субъективным переживанием одиночества и особенностями представлений о семейной ролевой структуре у женщин из полных и неполных расширенных семей остается малоизученной областью, требующей дальнейшего анализа. Существующие данные фрагментарны и не позволяют выявить целостную картину этой взаимосвязи.

Цель данного исследования заключается в изучении особенностей представлений о семейной ролевой структуре у женщин, переживающих субъективное одиночество с учётом ролевой структуры родительской и прародительской семьи. **Гипотеза исследования:** женщинам с высокими показателями субъективного одиночества характерны определённые особенности представлений о ролевой структуре родительской и прародительской семьи в зависимости от того, в полной или

неполной семье они выросли, и какую степень участия в их воспитании принимала бабушка по линии матери.

Материалы и методы (Methodology and Methods). Применяемые методики:

1. «Методика субъективного ощущения одиночества» (UCLA Loneliness Scale), авторы Д. Расселл, Л. Пепло, М. Фергюсон (Ишмухаметов, 2006), цель использования которой заключалась в измерении уровня субъективного переживания одиночества как ключевой зависимой переменной исследования;

2. Опросник «Семейные роли», автор А.В. Черников (Черников, 2001) для диагностики представлений респонденток о ролевой структуре и распределении функций в родительской и прародительской семьях, в которых они воспитывались, для анализа усвоенных в детстве семейных моделей;

3. «Опросник распределения ролей в семье», авторы Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская (Лидерс, 2015) для оценки текущих представлений и установок женщин относительно «идеального» распределения семейных ролей и обязанностей (хозяйственно-бытовых, воспитательных, эмоциональных и др.) в партнерских отношениях;

4. Опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке», автор – А.Н. Волкова (Волкова, Трапезникова, 1985) для выявления степени сформированности и содержания ролевых ожиданий (что женщина ждет от партнера) и ролевых притязаний (что она готова взять на себя) в различных сферах супружеской жизни, что позволяет оценить потенциальные зоны конфликта и дефицита в отношениях.

Для подтверждения надежности использованных методик в данной конкретной выборке был рассчитан коэффициент внутренней согласованности α (альфа) Кронбаха:

«Шкала субъективного ощущения одиночества» (UCLA): $\alpha = 0,89$

Опросник «Семейные роли»: $\alpha = 0,84$

«Опросник распределения ролей в семье»: $\alpha = 0,81$

Опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке»: $\alpha = 0,87$

Все показатели продемонстрировали хорошую надежность ($\alpha > 0,8$), свидетельствуют о высокой внутренней согласованности пунктов всех опросников и пригодности их для использования в данном исследовании.

Выборку исследования составили 300 женщин в возрасте от 20 до 50 лет, проживающих в Московском регионе. Первоначально было собрано 353 анкеты, однако 53 из них были исключены из окончательного анализа по причине неполного заполнения или некорректных ответов, что обеспечило повышение валидности данных.

Критерии отбора участниц: 1) женский пол; 2) возраст от 20 до 50 лет; 3) проживание в Московском регионе; 4) воспитание в расширенной семье с активным участием бабушки по материнской линии. При этом ключевым критерием формирования групп для сравнительного анализа являлось семейное положение (зарегистрированный или незарегистрированный брак на момент воспитания дочери) матери и бабушки респондентки. На основе этого критерия все женщины, принявшие участие в исследовании, были разделены на четыре группы:

– «мама состоит в браке – бабушка состоит в браке»;

– «мама состоит в браке – бабушка не состоит в браке»;

– «мама не состоит в браке – бабушка состоит в браке»;

– «мама не состоит в браке – бабушка не состоит в браке».

Важным аспектом является тот факт, что бабушки испытуемых женщин по линии матери активно участвовали в воспитании внуки. У женщин, матери которых объективно одиноки, отец не участвовал в их воспитании.

Для минимизации влияния внешних переменных и повышения валидности исследования были предприняты следующие меры:

– Стандартизация процедуры: все респонденты получали идентичную инструкцию и заполняли опросники в схожих условиях.

– Контроль выборки: четкие критерии отбора позволили сформировать релевантные и сопоставимые группы, при этом учет факта активного участия бабушки в воспитании нивелировал вариабельность, связанную с разной степенью ее влияния.

– Статистический контроль: для проверки однородности групп по возрасту и другим социально-демографическим параметрам применялись соответствующие статистические критерии.

Этические аспекты. Настоящее исследование было проведено в строгом соответствии с этическими принципами, изложенными в Хельсинкской декларации, и с учетом общепринятых норм проведения психологических исследований, в частности:

1. Добровольное информированное согласие. Все респонденты были проинформированы о целях и задачах исследования, его продолжительности, принципах конфиденциальности и анонимности обработки данных. Подчеркивалось, что участие в исследовании строго добровольное. Информированное согласие было получено в имплицитной форме, то есть начало заполнения онлайн-анкеты после прочтения информационного блока означало согласие участника на участие в исследовании.

2. Конфиденциальность и анонимность. Сбор данных проводился анонимно, в опросе не собирались персональные данные, позволяющие идентифицировать личность респондента.

В инструкции к опроснику отмечалось, что полученные результаты используются для статистического анализа и формулирования выводов в обобщенном виде.

3. Право на отказ от участия. Респонденты уведомлялись о том, что они имеют право в любой момент прекратить участие в исследовании без объяснения причин.

4. Содержание методик и процедура исследования не несли в себе потенциальных рисков психологического или физического вреда для участников.

5. Учитывая характер исследования (анонимный онлайн-опрос, не затрагивающий деликатные темы), оно было отнесено к категории минимального риска и не требовало отдельного одобрения локального этического комитета, при этом все процедуры были выстроены в соответствии с этическими стандартами Российского психологического общества.

Результаты исследования и их обсуждение (Research Results and Discussion). Первоначально рассмотрим наличие/отсутствие различий в показателях субъективного одиночества у женщин в контексте зависимости от наличия объективного чувства одиночества их мам и бабушек (т.е. мамы и бабушки респондентов не замужем).

На рис. 1 представлены средние значения показателей субъективного одиночества у опрошенных.

Проведённый нами анализ средних значений показателей по методике субъективного ощущения одиночества позволил выявить уровень испытываемого одиночества у респондентов всех групп. Наиболее высокие показатели определены в группе «Мама не состоит в браке – бабушка не состоит в браке», наименьшие показатели в группе «Мама состоит в браке – бабушка состоит в браке» (табл. 1).

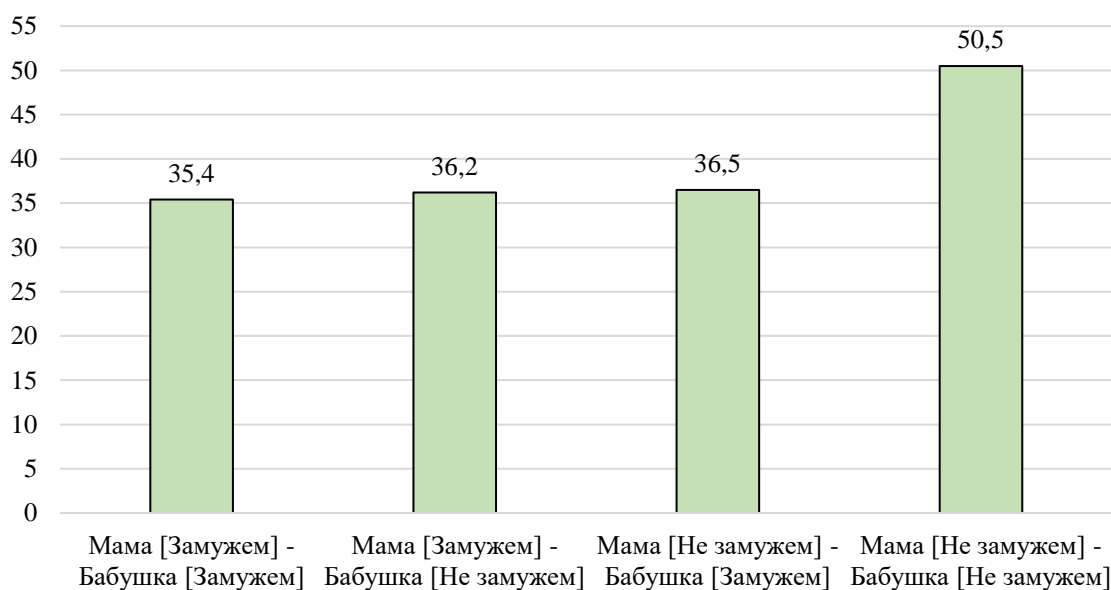

Рис 1 Средние значения показателей субъективного одиночества у женщин в зависимости от объективного одиночества их мам и бабушек («Шкала субъективного ощущения одиночества» (UCLA Loneliness Scale), авторы Д. Расселл, Л. Пепло, М. Фергюсон) (средние баллы)

Fig 1. Average values of subjective loneliness in women depending on the objective loneliness of their mothers and grandmothers (UCLA Loneliness Scale, authors D. Russell, L. Peploe, M. Ferguson) (average scores)

Таблица 1

Сравнительный анализ показателей субъективного одиночества у женщин в зависимости от наличия объективного чувства одиночества их мам и бабушек («Шкала субъективного ощущения одиночества» (UCLA Loneliness Scale), авторы Д. Расселл, Л. Пепло, М. Фергюсон).

Table 1

Comparative analysis of indicators of subjective loneliness in women, depending on the presence of an objective sense of loneliness of their mothers and grandmothers (UCLA Loneliness Scale, authors D. Russell, L. Peploe, M. Ferguson).

Категория	Средние ранги				Н-критерий	Уровень значимости p
	«мама состоит в браке – бабушка состоит в браке»	«мама состоит в браке – бабушка не состоит в браке»	«мама не состоит в браке – бабушка состоит в браке»	«мама не состоит в браке – бабушка не состоит в браке»		
Уровень одиночества	112,38	118,97	122,43	241,47	118,603	0,000***

Примечание. Различия значимы на уровне *** p<0,001, ** p<0,01, * p<0,05.

Согласно полученным данным в процессе исследования, выявлены статистически значимые различия. Высокие показатели одиночества наблюдаются у женщин, которые росли с объективно одинокими женщинами двух поколений (мамой и бабушкой). Низкие показатели одиночества были определены у респондентов, у которых два старших поколения женщин по материнской линии состояли в браке.

Исходя из полученных данных можно предположить, женщины-респонденты ощущают себя одинокими, вне зависимости от того, состоят они в браке или нет, а в зависимости от одиночества у женщин двух старших поколений по линии матери. То есть субъективное переживание женщиной одиночества во многом определяется усвоенной в детстве внутренней рабочей моделью семьи и отношений, которая передается по женской линии. Девочка, воспитывающаяся в расширенной семье, где мать и бабушка одиноки, существуют и справляются с жизнью без мужчин, бессознательно усваивает конкретные модели поведения, которые в итоге ведут к одиночеству. Так, став взрослой, даже находясь в отношениях, она может бессознательно саботировать их, воспроизводя привычную модель «эмоционального одиночества в паре», или подсознательно выбирать недоступных партнеров, подтверждая знакомый сценарий.

К похожему выводу приходит Н.А. Цветкова, по данным которой типичная клиентка психолога об избавлении от женского одиночества, в числе прочего, – это женщина, которая начала самостоятельную жизнь с несформированным понятием «семья» и неспособностью разграничить понятия «моя семья» и «семья моих родителей» (Цветкова, 2014).

Выявлены более высокие показатели одиночества у респондентов из неполных расширенных семей. Тогда как у женщин, у которых было воспитание со стороны отца

и/или деда, эти показатели низкие. На наш взгляд, это связано не только и не столько с наличием мужчины в родительской семье женщины, сколько с усвоением позитивного опыта взаимодействия с мужской фигурой. Отец и дед формируют прототип будущего партнера: девочка узнает, как необходимо общаться с мужчинами, что такое мужская забота и защита. Здоровые отношения с отцом и/или дедом укрепляют женскую самооценку, поэтому во взрослой жизни ей легче выстраивать равноправные, доверительные отношения с мужчинами, что является мощным защитным фактором от субъективного одиночества.

С целью определения особенностей взаимосвязи между переживанием субъективного одиночества и представлениями женщин о семейной ролевой структуре с учётом ощущения объективного одиночества мам и бабушек респондентов был проведен корреляционный анализ с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

В табл. 2 представлена корреляционная матрица с выявленными статистически значимыми связями в группе женщин, чьи мамы и бабушки состоят в браке.

Согласно полученным результатам, у респондентов, чьи матери и бабушки состоят в браке, было определено две связи между субъективным одиночеством и представлениями о семейной ролевой структуре.

Чувство одиночества у женщин, которые воспитывались в полной семье, и у которых бабушка по линии матери также состоит в браке, отрицательно коррелирует с отношением семейной роли – организация развлечений. Выявленная связь может быть показателем того, что женщины, которые убеждены в том, что инициатива и активность в сфере досуга должна принадлежать супругу, чаще всего очень негативно воспринимают одиночество.

Таблица 2

Корреляционная матрица связей между субъективным одиночеством и представлениями женщин о семейной ролевой структуре при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена

Table 2

Correlation matrix of the relationships between subjective loneliness and women's ideas about the family role structure using Spearman's rank correlation coefficient

Шкалы	Одиночество
<i>Группа женщин, чьи мамы и бабушки состоят в браке</i>	
Организация развлечений	-,261*
Альтернатива между чувством долга и удовольствием	,278*
<i>Группа женщин, чьи мамы состоят в браке, а бабушки не состоят в браке</i>	
Отношение к детям	,302**
Отношение к любви романтического типа	,274*
<i>Группа женщин, чьи мамы не состоят в браке, а бабушки состоят в браке</i>	
Вовлеченность в роли взаимодействия [Папа]	-,243*
Вовлеченность в роли взаимодействия [Бабушка]	,255*
Ролевые ожидания по шкале внешней привлекательности	-,270*
<i>Группа женщин, чьи мамы и бабушки не состоят в браке</i>	
Вовлеченность в роли взаимодействия [Бабушка]	,297**
Сексуальный партнер	,233*
Ролевые притязания по родительско-воспитательской шкале	,247*
Шкала социальной активности	,406**
Ролевые притязания по шкале социальной активности	-,332**

Примечание. Корреляции значимы на уровне *** $p < 0,001$, ** $p < 0,01$, * $p < 0,05$

Данная связь, на наш взгляд, – это маркер экстернального локуса контроля в сфере близких отношений, который является мощным внутренним генератором субъективного одиночества даже при формальном наличии партнера.

Источником одиночества здесь является не отсутствие партнера, а ригидная ролевая установка, приводящая к эмоциональной зависимости и пассивности. Мы можем предположить, что воспитание в полной семье с замужней бабушкой могло транслировать традиционную, патриархальную модель семьи, где мужчина выступает организатором и добытчиком не только материальных, но и эмоциональных ресурсов. Девочка, воспитывавшаяся в такой семье, усваивает негласное правило, что проявление инициативы – это мужская обязанность, а ее роль заключается в пассивном ожидании этой инициативы. Если

же инициатива не исходит от партнера, это воспринимается как его недостаточная вовлеченность и эмоциональная холодность, что напрямую ведет к усилению чувства одиночества внутри отношений.

Выявленная положительная связь между одиночеством и альтернативой между чувством долга и удовольствием может быть показателем ориентации женщины на долг, по сравнению с удовольствием. При этом важно отметить, что чем сильнее выражена установка на выполнение обязанностей, тем сильнее ощущение изолированности и покинутости у женщины. Интерпретировать данную связь можно следующим образом. Постоянная жизнь в режиме долга истощает эмоциональные ресурсы. Игнорируя потребность в удовольствии, женщина живет в состоянии хронического напряжения и эмоционального дефицита, мир видится в серых тонах, а чувство опустошенности

интерпретируется психикой как покинутость и одиночество.

В ходе корреляционного анализа в группе женщин чьи матери состоят в браке, а бабушки не состоят в браке, выявлено две положительные связи между субъективным одиночеством и представлениями о семейной ролевой структуре.

Согласно полученным данным, одиночество положительно коррелирует с отношением к детям, то есть, если для женщины, воспитывающейся в полной семье и одинокой бабушкой, наиболее важной является роль детей в семье, то такие женщины гораздо тяжелее переносят ощущение изоляции.

Выявленная положительная связь между одиночеством и отношением к любви романтического типа может быть показателем того, что чем сильнее стремление к романтической любви у женщины, воспитывающейся ранее в полной семье и одинокой бабушкой, тем сложнее женщина переносит ощущение одиночества и отчужденность от окружающих людей.

В группе женщин чьи матери не состоят в браке, а бабушки состоят в браке, согласно результатам корреляционного анализа, одиночество отрицательно коррелирует с вовлеченностью в роли взаимодействия – папа и положительно с вовлеченностью в роли взаимодействия – бабушка. То есть женщины, которые росли в неполных семьях, не считают отца способным на выполнение семейных обязанностей и при этом испытывают выраженное чувство одиночества. На наш взгляд, здесь речь идет не о реальном отце, а о его интериоризированном образе в сознании женщины. В отсутствие отца, которое, как правило, болезненно воспринимается девочкой, у нее формируется представление о нем как о ненадежной, не способной выполнять свои функции фигуре: проще представлять его ненужным, чем переживать тоску по идеальному отцу. Уже во взрослом возрасте женщина начинает бессознательно

проецировать этот образ на всех мужчин, не ждет от них поддержки и не доверяет им. Это создает мощный барьер для установления глубокой, доверительной связи с партнером, даже если он объективно присутствует. Как результат, женщина эмоционально одинока в отношениях, потому что ее внутренняя модель не позволяет ей по-настоящему открыться и положиться на мужчину.

Также трудности в уединении испытывают женщины из неполных семей, у которых бабушка активно участвует в выполнении семейных обязанностей, при этом статус мужчины в семье отодвигается на задний план, и его функциональные обязанности выполняет бабушка. Данная связь позволяет предположить, что бабушка не просто оказывала поддержку, а заняла в семейной системе структурную пустоту, образовавшуюся вследствие отсутствия отца, роли и функции были перераспределены.

Такая дисфункциональная структура, в которой бабушка фактически выполняла часть родительских функций, могла приводить к размыванию границ и нарушению процессов сепарации-индивидуации у внучки, что впоследствии стало проявляться в переживании одиночества.

К похожим выводам пришли и M.P. Yang, I-J. Chen, Y.P. Song, X.X. Wang: в неполных семьях, где отсутствует одна из гендерных ролей родителя, дети могут не иметь прямых ролевых моделей для изучения гендерных ролей, что может привести к дисбалансу в гендерной ролевой структуре собственной семьи (Yang, Chen, Song, Wang, 2021). Об этом пишут многие исследователи: одиноким матерям часто приходится одновременно играть роль и отца, и матери, в результате чего они склонны к путанице в когнитивном и гендерно-ролевом поведении, что также может привести к тому, что дети будут склонны к недифференцированным гендерным ролям (Zhou, Yu, Liao, Luo, 2015).

Кроме того, одиночество отрицательно коррелирует с ролевыми ожиданиями по

шкале привлекательности у женщин, которые росли в неполной семье, но чьи бабушки состояли в браке. Данные показатели говорят о том, что женщины, сконцентрированные на внешнем виде партнера, чаще всего не испытывают чувство изоляции, имеют устойчивые отношения с окружающими.

В группе женщин, чьи матери и бабушки не состоят в браке, согласно полученным в ходе корреляционного анализа результатам, одиночество положительно коррелирует с вовлеченностью в роли взаимодействия – бабушка.

Положительная связь между одиночеством и шкалой «сексуальный партнер» может быть показателем того, что женщины, воспитывающиеся одинокими мамой и бабушкой, и согласно установкам, которых инициатором сексуальных отношений должен быть муж, сложно переживают чувство одиночества.

Выявлена положительная корреляция одиночества с ролевыми притязаниями по родительско-воспитательской шкале и отрицательная – с ролевыми притязаниями по шкале социальной активности. То есть женщины, которые воспитывались одинокими мамой и бабушкой, ориентированы на себя в воспитании детей, при этом ощущают себя одинокими.

Положительная связь между одиночеством и шкалой социальной активности является показателем того, что женщины, имеющие установку о значимости внесемейных интересов, также часто испытывают одиночество. Возможно, это связано с дефицитом внимания отца (деда) в детские годы. Важно отметить, что излишняя привязанность к матери у этих женщин может приводить к зависимому поведению и сложностям с автономностью, что усиливает негативное переживание одиночества.

Отметим, что полученные результаты, в целом, согласуются с выводами более ранних исследований. Так, например, по данным Н.А. Цветковой, искаженные

представления о супружестве и материнстве в родительской семье влекут за собой выстраивание женщинами модели поведения, ведущей к еще большей закрытости и отстраненности в близких отношениях (Цветкова, 2014).

Исследование, проведенное F. Perales, H. Hoffmann, T. King, S. Vidal, J. Baxter, выявило ключевую роль семьи в поддержании статус-кво, касающегося представлений о семейных ролях мужчин и женщин. В ходе исследования выявлена межпоколенческая передача гендерно-ролевых установок: у родителей, придерживающихся традиционных или эгалитарных установок, дети также придерживаются этих установок. Причем, установки матерей влияют на установки дочерей сильнее, чем на установки сыновей, то есть матери играют особенно важную роль в гендерной социализации своих дочерей (Perales, Hoffmann, King, Vidal, Baxter, 2021).

Более того, родительские установки в отношении гендерных ролей, как важные факторы, влияющие на гендерную социализацию детей, могут передаваться из поколения в поколение как напрямую, так и косвенно. Так, по данным L. Chen и др., бабушки и дедушки, активно участвуя в заботе о своих внуках и их воспитании, считая это своей обязанностью, могут непосредственно влиять на формирование их гендерных ролей детей (Chen, Tian, Yue, Chen, 2021). Кроме того, исследования показывают, что гендерные установки бабушек и дедушек косвенно передаются их внукам через влияние родителей на гендерное восприятие (Farré, Vella, 2013).

Итак, анализ результатов исследования, цель которого заключалась в изучении особенностей представлений о семейной ролевой структуре у женщин, переживающих субъективное одиночество с учётом ролевой структуры родительской и прародительской семьи, позволил сформулировать следующие выводы:

– Женщины, у которых матери объективно одиноки, воспринимают роль отца как защитника и добытчика. У женщин, чьи матери были замужем, роль отца наделена как позитивными, так и негативными характеристиками.

– Роль матери в качестве поддержки ребёнка и заботы о нём наиболее чётко выражена у женщин, чьи матери замужем.

– У женщин, чьи мамы и бабушки состоят в браке, выявлено, что ощущение субъективного одиночества связано с притязаниями на выполнение хозяйственно-бытовых функций семьи, ориентацией на долг, и установками о необходимости первостепенного выполнения обязанностей

– У женщин, чьи матери замужем, а бабушки не состоят в браке, одиночество связано с установками значимости детей и романтических чувств.

– У женщин, чьи матери не замужем, а бабушки замужем, одиночество связано с выраженными проявлениями активности бабушки в вопросах семьи и воздействием на эмоциональное состояние.

– У женщин, чьи мамы и бабушки не состоят в браке, одиночество связано с установкой, что мужу принадлежит роль инициатора сексуальных отношений, а также отмечена ориентированность на себя у этих женщин в воспитании детей.

Выявленные в исследовании закономерности межпоколенной передачи одиночества и их связь с особенностями семейной ролевой структуры позволили сформулировать следующие практические рекомендации психологам для консультирования и психокоррекционной работы с женщинами, переживающими субъективное одиночество:

1. В работу с женщинами необходимо включать анализ трехпоколенной семейной системы с целью выявления деструктивных межпоколенческих связей в триаде «бабушка – мать – дочь» с акцентом на выявление неосознаваемых сценариев одиночества, передающихся по женской линии.

2. Работать с интериоризированным образом отца через технику реконструкции и переосмысления его роли, что способствует формированию более сбалансированного представления о мужских фигурах.

3. Фокусироваться на деконструкции ригидных ролевых установок, особенно в сферах долга/удовольствия и распределения инициативы в отношениях.

4. Проводить работу по сепарации от родовых сценариев и формированию индивидуальной идентичности, не связанной с семейными паттернами одиночества, а также позитивной установки на здоровые межпоколенные отношения в семье, при необходимости найти способ создания «новых» ресурсных межпоколенных отношений с мамой и бабушкой.

Заключение (Conclusions). Таким образом, гипотеза исследования – женщинам с высокими показателями субъективного одиночества характерны определённые особенности представлений о ролевой структуре родительской и прародительской семьи в зависимости от того, в полной или неполной семье они выросли, и какую степень участия в их воспитании принимала бабушка по линии матери, подтверждена.

Проведённое нами исследование соотносится и подтверждает проведённые ранее исследования представлений о семейных ролях в межпоколенных отношениях в полных и неполных расширенных семьях как детерминанты женского одиночества (Томгорова, 2020, 2021, 2022, 2024).

Перспективой дальнейших исследований может быть изучение влияния межпоколенных отношений не только на внука, но и на мать и бабушку в разных аспектах семейных взаимосвязей.

Ограничением данного исследования является, в частности, его кросс-секционный дизайн: исследование проведено в формате «среза», то есть взаимосвязи между переменными фиксировались на конкретный момент времени. Данный дизайн не позволяет устанавливать причинно-

следственные связи и отслеживать динамику изучаемых феноменов (например, как представления о семейных ролях и чувство одиночества меняются у женщин на разных этапах жизненного пути). Для установления каузальности необходимы лонгитюдные исследования. Еще одним ограничением является опора на самоотчеты: сбор данных осуществлялся исключительно с помощью субъективных самоотчетов участниц, что создает риск влияния стремления респондентов давать социально одобряемые ответы, соответствующие общественным нормам. Кроме того, оценка семейной истории и ролевых моделей может быть искажена под влиянием текущего психоэмоционального состояния респонденток или неточности их воспоминаний.

Учет этих ограничений указывает на перспективу дальнейших исследований, которой может быть изучение влияния межпоколенных отношений не только на внучку, но и на мать и бабушку в разных аспектах семейных взаимосвязей, а также углубление понимания роли отца и уточнение механизмов межпоколенной передачи. В частности, исследования могут быть направлены на проверку следующих гипотез:

1. Вовлеченность отца является модератором в процессе межпоколенной передачи одиночества и ролевых установок: при высокой вовлеченности и эмоциональной доступности отца (поддержка, эмпатия, участие в воспитании) негативное влияние объективного одиночества бабушки и/или матери на субъективное одиночество и представления о семейных ролевой структуре у дочери ослабевает.

2. Активное участие деда по материнской линии в воспитании внучки снижает вероятность воспроизведения сценария одиночества, формируя у девушки позитивную внутреннюю рабочую модель мужчины как надежного партнера.

3. Высокий уровень субъективного одиночества у женщин из неполных расширенных семей связан с внутренним ролевым конфликтом между усвоенной моделью «сильной одинокой женщины» (от матери/бабушки) и социокультурным ожиданием нахождения в партнерских отношениях.

Список литературы

Алексеев Т.В., Енакаева Е.В. Особенности представлений о будущей семье у молодежи, выросшей в условиях дисфункциональности родительской семьи // Проблемы современного образования. 2018. № 6. С. 14-25.

Артемцева Н.Г. Субъективное ощущение одиночества как предиктор созависимости // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 2. С. 147-169.

Белова Е.В. Субъективное переживание одиночества женщинами с различным семейным статусом // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 1-2 (115). С. 148-152. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.115.1.067>.

Булыгина М.В., Комарова С.В. Прародители и внуки (обзор зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. 2019. № 4. С. 97-105. DOI: 10.17759/jmfr.2019080410.

Валгасова И.Н., Верещагина М.В. К проблеме изучения представлений о семье и семейных отношениях в отечественной психологии // Образовательный вестник «Сознание». 2021. Т. 23. № 11. С. 39-45.

Волкова А.Н., Трапезникова Т.М. Методические приемы диагностики супружеских отношений // Вопросы психологии. 1985. № 5. С. 110-116.

Ишмухаметов И.Н. Психометрические характеристики шкалы одиночества UCLA (Версия 3) // Computer Modelling and New Technologies. 2006. № 10 (3). С. 89-95.

Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи / А.Г. Лидерс. М.: Изд-во МПСУ; Воронеж: МОДЭК. 2015. 546 с.

Овчарова Р.В. Материнство в неполной семье: монография / Р.В. Овчарова, М.А. Мягкова. М.: Юрайт. 2022. 411 с.

Томгорова Г.Н. Представления о семейных ролях в межпоколенных отношениях как детерминанты женского одиночества // Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике: сборник статей XVI Международной научно-практической конференции. М.: Психологический институт Российской академии образования. 2020. С. 275-278.

Томгорова Г.Н. Представления о семейных ролях в межпоколенных отношениях в полных и неполных семьях // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 11 (79). С. 82-87.

Томгорова Г.Н. Социально-психологические представление о семейных ролях в полных и неполных расширенных семьях // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 2 (94). С. 137-143.

Томгорова Г.Н. Трансгенерация когнитивно-поведенческих паттернов в семье как детерминанта нежелательного женского одиночества: к постановке проблемы // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 1 (69). С. 58-61.

Томгорова Г.Н. Эволюция представлений межпоколенных отношений в семье // Обмен научными знаниями: актуальные вопросы и перспективные направления развития сборник научных трудов. Материалам XVI Международной научно-практической конференции: Вопросы психологии и педагогики в культурном воспитании современного человека. Общество Науки и Творчества. Казань. 2021. С. 270-278.

Томгорова Г.Н., Вачков И.В. Представления о ролевой структуре родительской и прародительской семьи у женщин, переживающих субъективное одиночество // Проблемы современного образования. 2024. №3. С. 28-42. DOI: 10.31862/2218-8711-2024-3-28-42.

Цветкова Н.А. Личностные особенности одиноких женщин, обращающихся за психологической помощью // Женщина в российском обществе. 2014. № 3 (72).

Чеботарева Е.Ю. Взаимодействие матерей одиночек с детьми младшего школьного и подросткового возраста // Актуальные проблемы современных гуманитарных наук. Материалы Международной конференции молодых ученых. Российский университет дружбы народов. 2016. С. 377-381.

Черников А.В. Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. М.: Класс. 2001. 208 с.

Шабаева А.В. Психологические особенности одиноких женщин в период ранней взрослости // Психолог. 2022. № 2. С. 26-38. DOI: 10.25136/2409-8701.2022.2.37648.

Шайхатанова Т.В., Митина Г.В. Женское одиночество в России: исследование феномена и личностные особенности одиноких женщин // Студенческий вестник. 2020. № 36-1 (134). С. 47-49.

Boszormenyi-Nagy I. Invisible Loyalties (1st ed.) // Routledge. 1984. P. 432.

Chen L., Tian Y.L., Yue H.L., Chen C.F. The impacts of grandparenting on the development of preschool children's gender roles // Health Res. 2021. Vol. 41(6). P. 612-616.

Farré L., Vella F. The intergenerational transmission of gender role attitudes and its implications for female labour force participation // Economica. 2013. Vol. 80. P. 219-247.

Fife S.T. Theory: The heart of systemic family therapy. In K. S. Wampler (Ed.), The handbook of systemic family therapy. 2020. P. 296-316. Hoboken: Wiley Blackwell. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119438519.ch13>.

Grove D.R. Family therapy for treating trauma: An integrative family and systems treatment (I-FAST) approach. Oxford University / D.R. Grove, G.J. Greene & M.Y. Pres Lee. 2020. P. 288.

Hooper L.M. Defining and understanding parentification: Implications for all counselors / L.M. Hooper /Alabama Counseling Association Journal. 2008. Т. 34. №. 1. С. 34-43.

Jendrek M. Grandparents Who Parent Their Grandchildren: Circumstances and Decisions // The Gerontologist. 1993. Vol. 34. P. 206-216.

Klein D.M., White J.M. Family Theories. An Introduction Thousand Oaks. CA: Sage Publications. 1996. 294 p.

Landry-Meyer L., Newman B.M. An Exploration of the Grandparent Caregiver Role // Journal of Family Issues. 2004. Vol. 25 (8). P. 1005-1025.

Normal Family Processes / ed. by F. Walsh. New York: Guilford Press. 1999. 486 p.

Perales F., Hoffmann H., King T., Vidal S., Baxter J. Mothers, fathers and the intergenerational transmission of gender ideology // Social Science Research. 2021. Vol. 99.

Whitley D., Kelley S., Sipe T. Grandmothers Raising Children: Are They Atincreased Risk of

Health Problems? // National Association of Social Workers. 2001. Vol. 26 (2). P. 105-114.

Yang M., Chen I.-J., Song Y., Wang X. Comparison of intergenerational transmission of gender roles between single-parent families and two-parent families: The influence of parental child-rearing gender-role attitudes // Children and youth services review. 2021. Vol. 125. P. 1-10.

Zhou B., Yu Q.M., Liao J., Luo C. The relationship between gender role of middle school boys and parents' personality impression in ethnic minority area // China J Health Psychol. 2015. Vol. 23 (3). P. 376-380.

References

Alekseenko, T.V. and Enakaeva, E.V. (2018), "Features of ideas about the future family among young people who grew up in a dysfunctional parental family", *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 6, 14-25. (In Russian).

Artemtseva, N.G. (2019), "Subjective feeling of loneliness as a predictor of codependency", *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk, Sotsialnaya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 4, 2, 147-169. (In Russian).

Belova, E.V. (2022), "Subjective experience of loneliness by women with different marital status", *Mezhdunarodny nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 1-2 (115), 148-152. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.115.1.067>. (In Russian).

Bulygina, M.V. and Komarova, S.V. (2019), "Grandparents and grandchildren (review of foreign studies)", *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 4, 97-105. DOI: 10.17759/jmfp.2019080410. (In Russian).

Valgasova, I.N. and Vereshhagina, M.V. (2021), "On the problem of studying ideas about family and family relations in Russian psychology", *Obrazovatelyny vestnik «Soznanie»*, 23, 11, 39-45. (In Russian).

Volkova, A.N. and Trapeznikova, T.M. (1985), "Methodological techniques for the diagnosis of marital relations", *Voprosi psikhologii*, 5, 110-116. (In Russian).

Ishmukhametov, I.N. (2006), "Psychometric characteristics of the UCLA Loneliness Scale" (Versiya 3), *Computer Modelling and New Technologies*, 10 (3), 89-95. (In Russian).

Liders, A.G. (2015), *Psikhologicheskoe obsledovanie semi* [Psychological examination of the family], MPSU, Moscow, Russia.

Ovcharova, R.V. and Myagkova, M. A. (2022), *Materinstvo v nepolnoy* [Single-parent motherhood], Jurajt, Moscow, Russia.

Tomgorova, G.N. (2020), "Ideas about family roles in intergenerational relationships as determinants of female loneliness", *Mezhpokolencheskie otnosheniya: sovremenniy diskurs i strategicheskie vybory v psikhologo-pedagogicheskoy nauke i praktike* [Intergenerational relations: modern discourse and strategic choices in psychological and pedagogical science and practice], Russia, 275-278.

Tomgorova, G.N. (2020), "Ideas about family roles in intergenerational relationships in full and single-parent families", *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 11 (79), 82-87. (In Russian).

Tomgorova, G.N. (2022), "Socio-psychological concepts of family roles in full and incomplete extended families", *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2 (94), 137-143. (In Russian).

Tomgorova, G.N. (2020), "Transgeneration of cognitive behavioral patterns in the family as a determinant of unwanted female loneliness: towards a problem statement", *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 1 (69), 58-61. (In Russian).

Tomgorova, G.N. (2021), "The evolution of ideas of intergenerational relations in the family", *Obmen nauchnymi znaniyami: aktualnye voprosy i perspektivnye napravleniya razvitiya: sbornik nauchnykh trudov* [Exchange of scientific knowledge: current issues and promising areas of development collection of scientific papers], Kazan, Russia, 270-278.

Tomgorova, G.N. and Vachkov, I.V. (2024), "Ideas about the role structure of the parental and ancestral family in women experiencing subjective loneliness", *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 3, 28-42. DOI: 10.31862/2218-8711-2024-3-28-42. (In Russian).

Tsvetkova, N.A. (2014), "Personal characteristics of single women seeking psychological help", *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 3 (72). (In Russian).

Chebotareva, E.Ju. (2016), "Interaction of single mothers with primary school and adolescent children", *Aktualnye problemy sovremennykh gumanitarnykh nauk* [Current problems of modern humanities], Russia, 377-381.

Chernikov, A.V. (2001), *Sistemnaya semeinaya terapiya: Integrativnaya model*

diagnostiki [Systemic family therapy: An Integrative diagnostic model] Klass, Moscow, Russia.

Shabaeva, A.V. (2022), "Psychological characteristics of single women in early adulthood", *Psikholog*, 2, 26-38. DOI: 10.25136/2409-8701.2022.2.37648. (In Russian).

Shaihatanova, T.V. and Mitina G.V. (2020), "Female loneliness in Russia: a study of the phenomenon and personal characteristics of single women", *Studencheskiy vestnik*, 36-1 (134), 47-49. (In Russian).

Boszormenyi-Nagy, I. (1984), "Invisible Loyalties", *Routledge*, 432. (In USA).

Chen L., Tian Y.L., Yue H.L. and Chen C.F. (2021), "The impacts of grandparenting on the development of preschool children's gender roles", *Health Res*, 41 (6), 612-616. (In China).

Farré L. and Vella F. (2013), "The intergenerational transmission of gender role attitudes and its implications for female labour force participation", *Economica*, 80, 219-247. (In Spain).

Fife, S.T. (2020), *Theory: The heart of systemic family therapy*, In K.S. Wampler (Ed.), *The handbook of systemic family therapy*, 296-316. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119438519.ch13>, USA.

Grove, D.R. (2020), *Family therapy for treating trauma: An integrative family and systems treatment (I-FAST) approach*, Oxford University, UK, 288, England.

Hooper, L.M. (2008), "Defining and understanding parentification: Implications for all counselors", *Alabama Counseling Association Journal*, 34 (1), 34-43. (In USA).

Jendrek, M. (1993), "Grandparents Who Parent Their Grandchildren", *Circumstances and Decisions*, 34, 206-216. (In USA).

Klein, D.M. (1996), *Family Theories. An Introduction*, Thousand Oaks, Sage Publications, USA.

Landry-Meyer, L. (2004), "An Exploration of the Grandparent Caregiver Role", *Journal of Family Issues*, 25 (8), 1005-1025. (In USA).

Normal Family Processes (1999), ed. by F. Walsh, Guilford Press, New York, USA.

Perales F., Hoffmann H., King T., Vidal S. and Baxter J. (2021), "Mothers, fathers and the intergenerational transmission of gender ideology", *Social Science Research*, 99. (In Australia).

Whitley, D. (2001), "Grandmothers Raising Children: Are They At increased Risk of Health Problems?", *National Association of Social Workers*, 26 (2), 105-114. (In USA).

Yang, M., Chen I.-J., Song Y. and Wang X. (2021), "Comparison of intergenerational transmission of gender roles between single-parent families and two-parent families: The influence of parental child-rearing gender-role attitudes", *Children and youth services review*, 125, 1-10. (In UK).

Zhang Q.Y. and Li D. (2015), "Domestic and overseas research on grandparenting and corresponding interventions", *Primary & Secondary Schooling Abroad*, 23-28. (In China).

Zhou B., Yu Q.M., Liao J. and Luo C. (2015), "The relationship between gender role of middle school boys and parents' personality impression in ethnic minority area", *China J Health Psychol*, 23 (3), 376-380. (In China).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interests to declare.

Данные автора:

Томгорова Галина Николаевна, соискатель кафедры теоретических основ социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет.

Author's details:

Galina N. Tomgorova, Applicant of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Moscow State Psychological and Pedagogical University.